

Люди за белой чертой

Вероятно, когда возникали первые «городки слепых», их появление обосновывалось самыми искренними и гуманными соображениями. Мол, легче будет незрячим и на работу добираться, и все необходимые учреждения под рукой — магазины, поликлиники, бытовые службы. Но, как известно, благими намерениями...

МНЕ ДОВОЛЕЛО побывать лишь в одном из таких городков, расположенном в Югле, окраинном районе Риги. Впрочем, как говорили люди, знакомые с положением в других аналогичных учреждениях, обстановка повсюду схожа. Первоначально стремление максимально упростить и облегчить существование инвалидов по зрению привело в конце концов к их практически полной изоляции от общества. Железные поручни — ориентиры, окаймляющие каждую тропинку, лишь на первый взгляд играют положительную, вспомогательную роль. Но после нескольких лет жизни в условиях пространственной ограниченности люди настолько привыкают к этим рамкам, что малейшее изменение приводит к тяжелейшим стрессам и конфликтам, не говоря уже о физических травмах.

С другой стороны, изолированность слепых, государство в конце отучило и здоровых людей от милосердия. Вспомните сами, часто ли, спеша по своим делам, вы остановились, чтобы перевести человека с белой тростью через улицу, помогли ему найти нужный дом или аптеку. И инвалиды, особенно молодые, уже порой и сами благодарны за то, что на них не сосредотачивается общее внимание.

И это — одна из причин, практически сводящая на нет усилия тифлопсихологов (от греч. «тифлос» — слепой), специалистов по реабилитации, врачей. Ведь по большому счету вся их работа и должна быть направлена как раз на интеграцию слепых в общество, на то, чтобы слепые не чувствовали себя выброшенными из полноценной жизни. Эту цель должны преследовать и бесчисленные отделения обществ слепых, и все их предприятия и производств с многомиллионным годовым оборотом.

Сегодня же почти повсеместно можно наблюдать нарушение такого принципа. Видно это и на примере Юглы. Кстати, предприятие имеет полуторавековую историю. До 1940 года здесь находились мастерские, единственные в Латвии, где работали незрячие люди. Максимальное их количество не превышало 120 человек — из почти четырех тысяч слепых, зарегистрированных тогда в республике. Остальные жили нищенским.

После войны мастерские были переданы Латвийскому обществу слепых. И теперь уже трудно судить, когда именно начал нарушаться принцип, ради которого и создавалось предприятие. Да и вряд ли это происходило по чьей-либо злой воле. Скорее, сама пресловутая «система» сформировала условия, превратившие некогда коммерческое по сути своей учреждение в равноправный элемент имперского производственного комплекса. Свою роль сыграло и последовавшее вскоре после этого решение о снятии предприятий обществ слепых с государственного бюджета. Не знаю, употреблялось ли тогда модное нынче слово «хозрасчет», но основы работы строились именно на нем.

Возможно, со стратегической, государственной точки зрения в подобном шаге и был определенный резон. Людям дали возможность самостоятельно зарабатывать и почти самостоятельно тратить деньги. Казалось бы, только жить

да радоваться. Вот только о более тонких нюансах тогда никто не задумывался...

Да, предприятия обществ слепых обрели самостоятельность. Да, в Югле люди, работающие на изготовлении наборных ковриков и щеток, неплохо зарабатывают (со всеми «льготными», «инвалидными» и прочими выплатами до 700 — 800 рублей).

Но вместе с тем проблема из экономической, административной перешла в совершенно иную область — область социальную, нравственную, да и юридическую тоже. Избавив слепых от навязчивой опеки, государство заодно самоустранилось и от необходимости элементарно заботиться о них.

В Югле мне довелось встретиться со Станиславом Миклашевичем, старшим мастером по трудовой реабилитации слепых. Сам он — инвалид по зрению I группы с почти пятидесятилетним «стажем». Вот что он рассказал:

— Наверное, проводить параллели с другими странами не совсем удобно, но все же от фактов никуда не денешься. В Латвии, как, впрочем, и во всем Союзе, нет закона, который давал бы слепым «право на надежду». Может быть, это и звучит несколько театрально, но судите сами. В Германии существует положение, по которому предприятие с числом работающих более 15 человек должно в обязательном порядке изыскивать часть рабочих мест для инвалидов, в том числе, разумеется, и слепых. За нарушение — штраф. Там никто не удивляется элементарно руководителю в коллективе зрячих, есть даже слепой директор строительного бюро. В Австралии в университете существует факультет, где слепые изучают основы управления и менеджмента...

А у нас... Вот несколько примеров. Здесь, в Югле, слепая девушка с медалью заканчивает школу, потом с красным дипломом институт по экономической специальности. И после безуспешных попыток устроиться на работу приходит к нам на предприятие и садится за конвейер — жить-то ведь надо. И, уверяю вас, через 2—3 года она уже не вспомнит о своем образовании. Зачем? Здесь и заработок повыше, и никто в тебя пальцем не тычет. Другой пример, хотя и несколько из иной области. В Ленинградском пединституте на дефектологическом факультете существует кафедра тифлологии. До недавнего времени туда поступали и успешно учились слепые. С прошлого года такая практика прекращена. Причины выяснять так и не удалось. Таким образом, решением человека, имени которого мне упомянуть не хочется, были исковерканы судьбы не одного десятка молодых одаренных людей, многие из которых могли бы принести своим товарищам огромную пользу в качестве квалифицированных психологов и педагогов.

Тяжело было это выслушивать мне, зрячему. Возможно, потому, что ощутил вдруг часть огромной вины, что лежит на всех нас, находящихся вне этой темноты. И еще тяжелее понять, почему снова мы оказались «позади планеты всей», хотя не требуется в данной области ни крупных капиталовложений, ни титанических усилий промышленности.

Нужна лишь самая обыкновенная, зачаточного уровня культура отношений. Наверное, тогда уже не станет возможным отказать слепому в праве на работу или учебу не потому, что он на это не способен, а потому лишь, что он не видит...

Причем незрячие ведь вовсе не требуют к себе особого, льготного отношения. Им хочется лишь дать понять, что они многое могут делать, вовсе не хуже (а то, поверьте, и лучше!) зрячих. Пример: попробуйте в темноте набрать шести-, семизначный номер телефона. На диске или клавиатуре, неважно. Сколько времени на это ушло?.. При мне человек с полной потерей зрения сделал это молниеносно...

сталкиваются потерявшие зрение люди.

Итак, первое и, пожалуй, самое труднопереносимое для них — внезапное возникновение своего рода информационного вакуума. Ибо научно доказано, что около 80 процентов сведений об окружающем мире человек получает через глаза. Особенно сильный шок испытывают те, кто ослеп резко, в результате несчастного случая или болезни. Еще более тяжело воспринимают случившееся люди молодого возраста.

И далеко не все способны стойко перенести подобное изменение в судьбе. Ведь рушатся мечты, приходится отказываться от любимой работы, нередко распадаются семьи. Человеку зачастую ка-

Впрочем, это случай, как говорится, бытового уровня. А им под силу гораздо большее. Причем не только за конвейером, хотя и там изготавливается что угодно — от щеток до телевизоров.

Знаете ли вы, что лучшими в мире массажистами считаются слепые? А у нас в стране — одно — единственное училище по подготовке таких специалистов. Одно на 500 тысяч слепых... Впрочем, можно утешиться тем, что его выпускники известны не только в пределах СССР. Даже из Японии и Китая приезжали — говорят, в Союзе не хуже. Правда, они никак понять не могли, почему училище только одно (в Японии лишь в «профсоюз» массажистов 80 тысяч слепых состоит, а уж школ не перечесть). Но они, иностранцы, вообще народ непонятливый. Им объяснить приходилось, почему у нас коллективами слепых руководят зрячие люди. Они это даже низостью называли. И городки при предприятиях не иначе, как «гетто» или «резервации» для слепых. Потому что там как-то уж исторически сложилось, что не людей приспособляют к окружающим условиям, а наоборот. И настолько они в этом преуспели, что слепой человек из Риги, впервые в жизни попавший в Хельсинки, чувствовал там себя как рыба в воде.

Вернемся, однако, к нашим отечественным проблемам. Тем паче, что их хватает с лихвой. Ведь, к сожалению, сложность при трудоустройстве — далеко не единственное, с чем

сталкивается, что он остался один на один со своей бедой. Именно в этот момент на первый план выходит проблема общения, проблема получения информации. Каждый пытается решить ее по-своему — донимая родственников, слушая радио или занимаясь чтением. (Кстати, последнее отнюдь не каждому доступно: в примере, «Война и мир», перепечатанная шрифтом Брайля, составляет почти 40 полновесных томов...) Но в конце концов в жизни любого незрячего наступает момент, когда вышеупомянутых способов утоления информационного голода становится недостаточно.

И тогда перед ним встает вопрос: как жить дальше? Оставаться ли в ограниченном пространстве четырех стенami пространства или же попытаться найти свое место среди людей... Для многих попытка пойти по этому, второму пути оказывается непреодолимым препятствием.

Потому что в нашей стране развитой, «достойной», что называется, службы реабилитации слепых нет.

Два центра на всю страну — в Бийске и Волоколамске — и на малую толику не обеспечивают всех нуждающихся. Кто в этом виноват? Трудно сказать. Ведь наверняка есть у общества слепых и необходимые средства, и методические пособия. Кстати, в теории, как это уже стало привычным, мы ничуть не уступаем наиболее развитым странам. Уже в Москве, в правлении Всероссийского общества слепых, мне рассказывали о человеке, ко-

торый самостоятельно разработал способ, как научить полностью слепого печатать на плоскочелюстной машинке. Причем слепого, у которого нет одной руки. Причем правой... Когда про это услышали американцы, они сказали, что такого просто не может быть.

Лично я уже давно понял — у нас может быть все. И мы можем «быть» — без всего...

Правда, по мнению Владлена Ивановича Шершнева, заведующего отделом социально-бытовых проблем правления Всероссийского общества слепых, есть кое-что, без чего мы просто не имеем морального права претендовать на звание цивилизованного общества:

— Речь идет о медико-генетической диагностике и консультации. Возможно, кому-то вопрос покажется узким и «притянутым за уши». С полной ответственностью могу заявить — будь у нас в достаточной степени развита эта служба, судьбы десятков тысяч людей сложились бы не столь трагично. Сколько раз мне приходилось встречаться с семьями, где родители — оба слепые — ставят своего рода эксперимент. Мол, давай попробуем — может, у ребенка все будет нормально. И появляется еще один инвалид. А они не успокаиваются и «пробуют» еще раз и еще... У меня была знакомая семья. 13 (!) детей, из них зрячих — только пять. И нигде — ни у Федорова, ни в институте им. Гельмгольца, ни в другом месте — люди не могут получить четкий и квалифицированный совет: стоит ли вообще заниматься подобного рода «экспериментами».

Если один человек делает другого инвалидом в драке или по неосторожности — за это судят. А когда ни в чем не повинных детей обрекают на мучения с самого рождения, то никто не отвечает... Я считаю это преступлением.

Конечно, на медицину все списывать не совсем справедливо, да и с категоричными оценками В. И. Шершнева не обязательно соглашаться. Можно если не оправдать, то объяснить многое. Но вот только от объяснения глубинных причин наших недостатков легче не становится.

Возможно, кто-нибудь, прочитав этот материал, и подумает: мол, а меня-то все сказанное как касается? Я, если попросят, слепого через улицу всегда переvedу.

Но ведь мало этого — помочь, когда попросят. Да и помочь надо еще уметь так, чтобы не дать человеку понять, будто вы предложили ему руку только из-за его недуга.

А они тянутся к нам. Они не желают быть обузой и хотят приносить пользу, зная, что в состоянии это делать. И только наша вина, если они все чаще чувствуют себя лишними...

Вот мы и вернулись к тому, с чего начали: к необходимости быть хоть немного более добрыми, чуткими и милосердными друг к другу. И хотя мы говорили о незрячих, но материал не только о них. И не об инвалидах вообще. Он — о нас тоже.

Быть может, наступит все-таки время, когда белая трость слепого не будет больше оставаться для него границей зоны общения. Хочется в это верить...

...Рассказывают, еще лет двадцать назад редкий ресторан обходился без слепых музыкантов — баянистов, скрипачей. Сегодня их больше нет. Говорят — незастычно...

Роман ПАНЮШИН,
слеп. корр. «МГ».
Рига — Москва.

Фото В. ШАНДРИНА.